

Л.А. Курьищева

ПЕРЕВОДНОЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАН В РУССКИХ РУКОПИСЯХ XVIII В.: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЮЖЕТНОГО ФОНДА МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Переводная рукописная литература внесла значительную лепту в формирование фонда русской массовой литературы XVIII в., как рукописной, так и печатной.

В первоц половине XVIII в. «презренная» проза развлекательного характера, не соответствующая ни практическому духу Петровской эпохи¹, ни утверждающему главенству эстетической системы классицизма², царит в рукописной стихии, сохраняя связь с литературной традицией предшествующей эпохи — беллетристическими произведениями XVII в. Популярная рукописная продукция этого времени, переводная и оригинальная, воспроизводит повествовательную модель авантюрного романа в двух взаимодействующих разновидностях — рыцарского и любовного³.

Первое знакомство с образцами европейского романа произошло в России в XVI—XVII вв.⁴ Тогда русский читатель познакомился с прозаическим переложением рыцарской поэмы XII в. о Бово д'Антона, куртуазным романом XV в. о Петре и Магелоне, античным романом об Аполлонии, царе Тирском, рыцарским романом об Отоне и Олунде и др. Знакомство это происходило зачастую «в обработках,

* Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта ИФЛ СО РАН и ИИиА УрО РАН 2009–2011 гг. «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспекты)»

¹ Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 1995.

² Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982.

³ Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983; Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006. С. 22–25.

⁴ Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964.

далеких от оригинала»⁵, в частности при посредничестве народной книги⁶. На их основе возникли русские версии — Повесть о Бове-королевиче, Повесть о Петре Златых Ключей, Повесть о Аполлонии Тирском, Повесть о царице и львице. Особенностью усвоения топики рыцарского романа в России XVII в. стало его сближение в читательском восприятии с национальным эпосом — русские редакции Повести о Бове-королевиче XVII–XVIII вв. содержат черты воинской повести и богатырской сказки⁷.

Русская повесть XVIII в. складывается под воздействием предшествующей беллетристической традиции и новой литературы. Степень оригинальности ряда русских рукописных памятников XVIII в. была определена на основе выявления исходного литературного источника и анализа внесенных анонимными «соавторами» изменений и дополнений. Наиболее в этом плане изучены «гистории» первой трети XVIII в., сочетающие известные сюжетные схемы, повествовательные приемы рыцарского и любовно-авантюрного романа с новой идеологией и аллюзиями на русскую историю⁸. Была доказана оригинальность некоторых русских повестей на основании выделения заимствованной сюжетной схемы и анализа внесенных анонимными «соавторами» дополнений к сюжету и, соответственно, была выявлена их идеально-художественная специфика. Г.Н. Моисеевой был проанализирован механизм создания отечественной Повести о российском матросе Василии (Кариоцком) из переводной повести о Долторне и Элеоноре, мотивов русской волшебной сказки и документального русского материала⁹. Т.Н. Апсит доказала возникновение Повести о Францеле Венециане из русского перевода стихотворного романа XV в. История о Париже и Вене¹⁰. На основе повести XVII в. о Василии Златовласом в

⁵ Кузьмина В.Д. Указ.соч. С. 4.

⁶ Кузьмина В.Д. Указ.соч. С. 7. Пуришев Б.И. Немецкие народные книги // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М., 1986. С. 261–282. К.А. Чекалов в своей работе отмечает, что генезис массовой литературы «вполне правомерно отсчитывать от “народных книг” XVI века» (Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции (XVII — первая треть XVIII века). М., 2008. С. 9).

⁷ Кузьмина В.Д. Указ.соч. С. 33–60.

⁸ Русские повести первой трети XVIII века / исслед. и подг. текстов Г.Н. Моисеевой. М.-Л., 1965; Кузьмина В.Д. Указ.соч.; Апсит Т.Н. Повесть о Францеле Венециане — памятник русской литературы первой трети XVIII в. Автореф.дис. ... к.филол. наук. Л., 1985.

⁹ Русские повести первой трети XVIII века... С. 39–56.

¹⁰ Апсит Т.Н. Указ. соч. На сходство двух повестей обратил внимание И.А. Шляп-

XVIII в. возник ряд русских повестей, использующих как целиком сюжетную схему источника (Повесть о французском сыне, Повесть о Франце Мемзонилиусе/Имензолиусе), так и отдельные мотивы, общие со сказочным сюжетом о свадебной поездке (Повесть о Ярополе-цесаревиче, Повесть о Ефродите и Максионе, Повесть о королевиче Декоронии)¹¹. Для ряда русских повестей были выявлены источники сюжетных мотивов: для Повести о российском кавалере Александре мотивной и идейной «подложкой» послужила Повесть о Петре Златых Ключей, для Повести о шляхетском сыне в качестве возможных источников некоторых названы Прагамлет и Повесть о Бове-королевиче¹². В анонимном поле рукописной литературы между двумя умозрительными полюсами бытования собственно переводного произведения и оригинальной отечественной повестью существует целый ряд переходных форм, в которых исходный литературный источник подвергся трансформации, затрагивающей разные уровни текста: языковой, сюжетный, поэтический, идейный. В литературном процессе освоения «чужих» текстов имеет большое значение встраивание произведений в новый культурный контекст, в результате которого заимствованное произведение получает новые смысловые обертоны и даже меняет свою жанровую доминанту.

В литературе Древней Руси переводное произведение, подвергаясь свободному переложению, русификации, быстро ассимилировалось в новую книжную среду, что было связано с представлением о творческом процессе как о коллективном труде¹³. Освоение

кин: Шляпкин И.А. История о Франциле Венциане и История о Париже и Вене // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Янв. С. 70–73.

¹¹ Николаева М.В. История о Ярополе царевиче и сказочно-былинная традиция // ТОДРЛ. Т. VII. 1949. С. 52–66; Елеонский С.Ф. Сказочная традиция в странной повествовательной литературе // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. 1957. С. 47–76; Николаева М.В. Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести первой половины XVIII в. (История о Ефродите и Максионе) // ТОДРЛ. Т. XIV. 1958. С. 474–480; Николаева М.В. Повесть о Франце-Имензолеусе гишпанском (Из истории рукописной литературы XVIII века) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 198. Кафедра русской литературы. Л., 1959. С. 3–25; Николаева М.В. «Гистория о гишпанском королевиче Декоронии» (первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. XXI. 1965. С. 275–296.

¹² Моисеева Г.Н. Идейно-художественный анализ повести о шляхетском сыне // Русские повести первой трети XVIII века... С. 144–149; Калашникова О.Л. Эволюция повестей Петровского времени // Вопросы русской литературы. Вып. 1(51). Львов, 1988. С. 78.

¹³ Кузьмина В.Д. Указ.соч. С. 3.

культурой переводного памятника происходило через сокращение языковых примет оригинала (например, полонизмов), через его интерпретацию в соответствии с иными культурно-историческими традициями. В рукописной литературе XVIII в. упрощенный подход к категории авторства продолжает сохраняться — зачастую переводчик и переписчик выступают в качестве соавторов произведения. На протяжении своего бытования произведение подвергается переработке в языковом и сюжетном плане в соответствии с литературными вкусами и идеологией эпохи в целом или определенного читательского социального слоя в частности.

Модернизации, новым редакционным обработкам подвергаются как древнерусские памятники, так и рукописные повести Нового времени, переводные и отечественные¹⁴. В повествование вносятся детали современного быта, понятия, соответствующие современным представлениям о том, как, например, празднуют, горюют, объясняются в любви, обращаются к государю, с какой целью отправляются в путешествие и т.п. Вводятся дополнительные мотивировки действия персонажей, которые призваны усилить психологическую достоверность поступков героев, закрепленных в сюжетной схеме. В то же время трансформации может быть подвергнут и сам сюжет — через добавление или удаление сюжетных звеньев или контаминацию с другими сюжетами.

Принципы «обращения» сюжетного фонда массовой литературы мы рассмотрим на материале двух рукописных повестей, относящихся к разным историко-литературным эпохам. Первая — древнерусская повесть о Александре и Лодвике, просторный рассказ, включенный в Повесть о семи мудрецах. Вторая повесть, сравнительно недавно введенная в научный оборот, принадлежит литературе Нового времени — История о Евграфе и Александре¹⁵. Одна из сюжетных линий этой повести, ключевая, совпадает с древнерусской Повестью об Александре и Лодвике¹⁶. На примере этих двух текстов, как мне представляется, удобно показать приспособление беллетри-

¹⁴ Елеонский С.Ф. Сказочная традиция в странной повествовательной литературе // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. 1957. С. 61–62; В.Д. Кузьмина в своем исследовании отмечает особенности списков XVIII в. Повести о Бове и Повести о Петре Златых Ключей — сближение стилистики, разработка эпизодов в соответствии с галантновавантюрной «гисторией».

¹⁵ Бегунов Ю.К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфе и Александре // XVIII века. Сб. 14. Л., 1983. С. 217–231.

¹⁶ За указание на сходство сюжетов благодарю чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановскую.

стических сюжетов к разным культурно-историческим эпохам, их «жизнь» во времени.

Кратко напомню историю появления в русской культуре этих литературных памятников. Повесть о семи мудрецах со средневековья известна европейской и восточной литературе. Рамочная конструкция, указывающая на восточное происхождение памятника, представляет собой историю об оклеветанном мачехой целомудренном юноше, которого собирается казнить разгневанный отец. Казнь откладывается благодаря притчам, рассказываемым воспитателем принца или семьью мудрыми советниками. Сам юноша приговорен судьбой к молчанию в течение семи дней. Когда речь возвращается к нему, он рассказывает свою притчу. История, рассказанная царевичем, содержится только в европейских пересказах Повести о семи мудрецах, к которым через польское посредство восходит и русский перевод. Исследователи обращали внимание на тематическое сходство рамочной истории и последней повести, рассказанной царевичем. Обе они имеют сюжетные параллели с библейской историей о Иосифе Прекрасном (мудрый отрок предсказывает свое будущее, за что он изгнан из дома; преследование целомудренного юноши злой женой Пентерефия). В этой повести (в русских пересказах она известна под названием Повесть о Александре и Лодвике) соединились два сюжета. О том, что они соединились в одном повествовании не сразу, говорит существование в европейской традиции краткой версии (только сюжет о мудром отроке) и пространной версии, куда включен рассказ необыкновенной дружбе двух друзей и об исцелении детской кровью, сюжет которого известен со средневековья, в том числе французская жестя XII в. о двух друзьях Ами и Амиле (*Ami et Amile*)¹⁷. Повесть о семи мудрецах подвергалась неоднократной романной обработке¹⁸. Русские тексты об Александре и Лодвике, сначала только в составе Повести о семи мудрецах, известны в обращении с 10-х г. XVII в. Сохранилось около ста списков XVII–XVIII вв., что свидетельствует о популярности этого произведения¹⁹. Для сопоставления я

¹⁷ Жданов И.Н. Повесть об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон» // Жданов И.Н. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. М., 2011. С. 152–175. Краткий пересказ жесты содержит также работа А.Д. Михайлова: Михайлов А.Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М., 2010. С. 257.

¹⁸ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006. С. 286–291.

¹⁹ Азволинская И.Д. Повесть о семи мудрецах (датировка древнейших русских

воспользовалась опубликованным списком, датируемым концом XVII в.²⁰ В некоторых случаях я привлекаю цитируемый И.Н. Ждановым список, тоже XVII в., изданный Обществом любителей древней письменности²¹.

Повесть о Евграфе и Александре известна по двум спискам конца 50-х гг. XVIII в., к этому же времени исследователь относит и появление архетипа этих списков²². Определенно, повесть о Евграфе и Александре не является переработкой древнерусской повести, а пришла в Россию самостоительно. Однако она безусловно связана общей историей с западноевропейским оригиналом. Пока не возможно с уверенностью сказать, была ли она одной из рыцарских обработок вставной истории о двух друзьях в Повести о семи мудрецах или восходит к французскому эпосу о Ами и Амиле. Относительно древнерусской повести в памятнике XVIII в. мы видим смещение имен главных персонажей: Александр и Лодвик, Евграф и Александр; полное несоответствие имен главных персонажей отмечает в европейских пересказах французской жесты И.Н. Жданов²³.

Общая сюжетная схема двух рукописных памятников сводится к трем звеньям: 1) Дружба двух юношей. Королю служат двое юношей (Александр и Лодвик, Евграф и Александр), которые похожи словно близнецы, один только обладает большей силой (Александр, Евграф). Никто не может их различить, кроме королевны, которая влюбляется в первого (Александра, Евграфа), однако последний не отвечает ей взаимностью. 2) Добывание невесты для друга. Однажды по просьбе Александра—Евграфа товарищ подменяет его на службе и отправляется с поручением к королевне. Лодвик-Александр жестоко влюбляется в королевну и заболевает. Товарищ распознает причину болезни и берется помочь другу. От

списков XVII в.) // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 255-258; Азволинская (Казовская) И.Д., Каган М.Д. Повесть о семи мудрецах // Словарь книжников и виножития Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П-С. СПб., 1998. С. 183-187.

²⁰ Повесть о семи мудрецах / подг. текста и комм. И.Д. Казовской // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 192-266.

²¹ История семи мудрецов // Общество любителей древней письменности. Вып. 1-2. Т. 29, 35. СПб., 1878, 1880.

²² Бегунов Ю.К. Указ.соч. С. 218.

²³ «Вместо имен Amis и Amiles, Александра и Людовика в некоторых пересказах саги о двух друзьях встречаются иные имена: Engelhard и Dietrich, Olivier и Artus, Loher и Maller ... преимущество древности остается несомненно за сказанием de Amico et Amelio» (Жданов И.Н. Указ.соч. С. 166).

имени товарища он троекратно делает подарки королевне и просит ответить на любовь друга. В конце концов, королевна соглашается любить Лодвика-Александра. Перед вынужденным отъездом Александр-Евграф предостерегает товарища о недоброжелателях и советует хранить любовь в секрете. Действительно находится завистник, который доносит королю о любовниках. Назначен судебный поединок, который должен показать правоту одного из противников. На поединке возлюбленного королевны подменяет товарищ. После его победы король соглашается на брак дочери и лже-Лодвика-Александра. Снова происходит подмена и любовники соединяются узами брака. 3) Болезнь товарища. Пораженный болезнью Александр-Евграф приходит неузнанным к своему царствующему другу. Узнавание происходит благодаря подаренному при расставании перстню. Лодвику-Александру открывается, что он вылечит друга, омыв его в крови своих детей, что он и совершает. Товарищ снова здоров, чудесным образом дети оказываются тоже живы.

В остальных эпизодах повести разнятся, что служит косвенным подтверждением тому, что вторая повесть возникла независимо от Повести о семи мудрецах. Исследователи отмечали, что европейский оригинал древнерусской повести испытал влияние рыцарского романа²⁴. По сравнению с древнерусской повестью, история о Евграфе и Александре в еще большей степени сохранила связь с рыцарским романом.

В обеих повестях сохранена связь с литературным жанром, но представления о некоторых нравах рыцарства стерты, поскольку во время бытования этих произведений в русской рукописной литературе рыцарство перестало быть живой традицией.

В частности, стерто представление о судебном поединке. Во французской жесте Амиль просит друга заместить его на поединке потому, что не доверяет своим силам и опасается, что Божий суд его не оправдает²⁵. Мотивом отказа от боя в обоих литературных памятниках являются малые силы Лодвика-Александра:

²⁴ Повесть о семи мудрецах / подг. текста и комм. И.Д. Казовской // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 637.

²⁵ Жданов И.Н. Указ.соч. С. 165.

(Александр и Лодвик)	(Евграф и Александр)
Лодвик пересказывает Фларенте вызов на поединок Сиддов присутствии цесаря: «Аз же отвещах ему яко готов есмь о том с тобою битися о главу твою за правду свою. Цесарь же указал нам с ним и день битвы. Аз же малосилен есмь и вем, яко низложит мя ... сама ты веси, яко он муж храбрый есть и силён велми, а яз млад и несилен» (С.246).	Александр говорил: «Готов, милостивый государь, за правду ко оной битве поднитися», и отдав поклон пошел от князя, однако ведал, что Алдентронт великосилен и его убьет (С. 215).

Как происходит подновление сюжета в соответствии с литературными вкусами эпохи рассмотрим на нескольких примерах — характеристики героя, его мотивов отправиться в путь и эпизоде с добыванием возлюбленной для друга.

Александр и Лодвик. Мудрость героя — это сквозной мотив древнерусской повести, которая, как мы помним, объединяет два сюжета — о мудром отроке и о двух друзьях. Сюжет о мудром отроке известен и в сказочном эпосе: герой по просьбе отца толкует пение птицы о том, что придет время и он возвысится, а родители будут ему прислуживать; после изгнания из дома, отрок проявляет мудрость перед царем, за что становится названным сыном и наследует царство; в качестве царя он посещает обедневших родителей, таким образом, предсказание сбывается. Присущие герою древнерусской повести красота и физическая сила отступают перед его мудростью, способностью толковать притчи, предвидеть ситуацию. Отец, видя свое чадо «разуме добре предуспевающа», отдает Александра в дальнюю страну учителю «в научение премудрости». По возвращении все радуются, «яко detta оно зело было чудно и милосердо» (С. 235). И князь, чьим нареченным сыном становится Александр, и король египетский, у которого герой служит вместе со своим другом Лодвиком, любят отрока за разум: «и не бысть таков ни един, который воин в то время на свете, дабы подобный был тому Александру гаданием притчей, и не бе того, чего бо он не поведал кому о чем своею мудростию и гадательством премудраго разума своего начинаго» (С. 238). Красота героя имеет значение только при спасении отрока с острова — купцы подобрали юношу, «видевши отрока лепо вельми»²⁶ (С. 236) и при встрече с цесаревной. Фларента влюбляется в

²⁶ Ср. схожую ситуацию в Повести о Бове-королевиче по списку конца XVII в.:

Александра, пораженная красотой и мудростью слуги цесаря: «Егда же цесаревна узре Александра, и зело возлюбила его и восхоте его видети мужем себе того ради, что он добро образен и красен велми: власы главы его, аки злато чистое, сам же премудр велми»²⁷.

Как это свойственно миру древнерусских повестей, герой покидает отчий дом не добровольно — отец изгоняет сына за обидное предсказание. От сказочного сюжета повествование переходит к воспроизведению модели рыцарского романа, в данном случае это мотив службы у известного, славного, сильного сюзерена. Когда в повествование включается сюжет близкий средневековому эпосу (жесты о Ами и Амиле), герой добровольно пускается в путешествие, желая на службе у цесаря Тируса, который превосходит всех королей «в мудрости и дворности», овладеть большей мудростью (С. 239). Сам цесарь в соответствии со средневековыми представлениями о привлечении ко двору рыцарей, охотно принимает к себе на службу тех, кто «похощет добрых обычаяев научитися и великия похвалныя службы досупити и явити». Во французской жесте Ами и Амиль вступают в дружину Карла Великого, принимают участие в его походах.

В соответствие с общей концепции повести, Александр желает у цесаря Тируса получить не только воинскую славу, но и овладеть большей мудростью: «болшия мудрости и заслуг добрых воинских себе приолучити и навыкнути всякого добра» (С. 239). На службе у цесаря, уважаемый всеми за мудрость и храбрость, он проявляет мудрость лишь в том, что устраивает любовь Лодвика и Фларенты и предвидит все, что может угрожать их любви (предотвращает покушение на жизнь Лодвика и предупреждает перед отъездом об опасности предательства).

Евграф и Александр. В повести XVIII в. нет места мотиву мудрости героя. Евграфа отличает сила, решительность, смелость, воинское искусство и, разумеется, красота, магнитически действующая на княжну Велериану: дочь лантонского князя влюбляется в Евграфа, видя его «доброту лица» («распалилась, приняв конфеты»).

Главный герой остается в рамках диктуемого жанром рыцарского романа образа — Евграф «великосилен, науково превосходителен» (С. 221). Во всем тексте «наука» исключительно употребляется в

После того, как гости-корабельщики взяли Бову на корабль, купцы «промеж собою дишащеся, не могут на Бовину красоту насмотритися, что не видали такова отрока: велми лепообразен» (Памятники литературы Древней Руси... С. 279).

²⁷ Ср. характеристику героя в Повести о Василии Златовласом по списку XVIII в. пространной редакции: «зело добродетелен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют» (Памятники литературы Древней Руси... С. 389).

значении воинского искусства. Причина его отъезда из родительского дома — поиск приключений и желание утвредиться среди других рыцарей. Евграф, когда окончил обучение «ковалерской эксерции» и почувствовал в себе «великую силу», просит отца отпустить его за границу «подтверждения паки ковалерская науки» (С. 219).

Образ рыцаря, как мы видим, воспроизведен в обеих повестях. Описание поединка с противником, общего мотива для рыцарского романа и героического эпоса, в древнерусской повести и повести XVIII в. почти идентично:

Поединок лже-Лодвика и Сидда	Поединок лже-Александра и Алдентронтом
«Вседоша оба на кони своя и начали съездатися и сражатися, и битися чрез целый день даже и до вечера. На скончании же браны той их изъят меч ис похов своих Александр, краль Египетский, и отъят мечем своим главу Сидду тому, и отнесе ю в дарование цесаревне» (С. 250).	«Евграф ... надел латы и шелом и взял саблю ... нимало мешкая, напал на Алдентрона и пересек пополам ево, так и лошадь, чтоб видя Велериана пошла к отцу своему ... «напрасно оклеветаемаго бог оправдал и меня бедную» ... Евграф, мнимо Александр ... говорил: «Неповинная кровь напрасно не излиется: видя бог мою правоту, не умертвил, а лживаго потребил» (С. 216).

В повести XVIII в. образ рыцаря обогащен за счет расширения повествования при помощи другой повествовательной модели — любовно-авантюрного романа. Обновленным предстает эпизод с добыванием возлюбленной для друга. В древнерусской повести Александр убеждает цесаревну Фларенту принять любовь Лодвика искусствами речами и подарками, вручаемыми якобы по просьбе друга (золотой рукомойник, зеркало, ларец). Цесаревна сначала отклоняет предложение Александра, так как осознает девство как главное сокровище, добавляя при этом, что и для самого Александра она бы не поступилась девической честью; во второй день колеблется, спрашивая, как к ней относится сам Александр; на третий день соглашается любить Лодвика «ради ходатайства ... и великия прилежности и дружелюбства истиннаго» Александра к товарищу (С. 243).

В повести XVIII в. противоборство Евграфа и княжны Велерианы изображено более рельефно, в соответствии с экзальтированным вкусом современного любовно-авантюрного романа. Решающим аргументом становится не подарки или искусственная речь, а шпага, которой

Евграф угрожает лишить себя жизни в случае отказа Велерианы любить Александра.

В первый день Евграф покупает на пристани веер за 1000 червонных, приходит к княжне Велериане и просит принять подарок от Александра. Княжна бросает веер на пол и говорит, что «желает любви Евграфа». Евграф заставляет принять подарок, угрожая заколоть себя шпагой. На другой день Евграф покупает шкатулку за 3000 червонных («футляр»), так же заставляет принять подарок, угрожая покончить с собой. На третий день покупает «золотой со многими брилианты» «вояв» за 5000 червонных. Велериана говорит, что «лучше было видела в сердце своем презентованную от твоей руки конец шпаги». Тогда Евграф пронзает свою грудь, но не глубоко. Велериана, боясь за жизнь Евграфа, соглашается любить Александра и велит ему прийти (С. 231–214).

Мы можем предположить, что создателю этого произведения, видимо, показался психологически неубедительным эпизод исходного текста, в котором влюбленная героиня соглашается через подарки и искусные речи любить другого. Чтобы придать эпизоду психологическую достоверность, он вводит новые детали. Обращает на себя внимание характерная для барочной поэтики игра прямым и переносным значением в каскаде метафор. В словах героини метафора любви — образ пронзенного сердца сплетается с кончетто смерти-подарка. Поскольку сердце героини пронзено любовью, она желает принять настоящую смерть от шпаги возлюбленного. Не желая подарков от нелюбимого, страдая от равнодушия возлюбленного, она желает принять от него только один подарок — смерть от его руки.

Помимо рассмотренных нами примеров введения дополнительных мотивов поведения героев, которые делают литературный памятник более современным, понятным читателю, более соответствующим представлениям эпохи, путешествие рукописного литературного памятника во времени сопровождается контаминацией сюжетов, включением новых эпизодов, исключением прежних.

При создании повести об Александре и Лодвике были объединены два сказочных сюжета о мудром отроке, толкующем пение птицы, и средневековый легендарный материал о двух друзьях и исцелении детской кровью (общность судьбы почеркнута в средневековой истории о Ами и Амиле — герои рождаются похожими как близнецы в один день в разных семьях и умирают в один день на пути из Иерусалима). В составе Повести о семи мудрецах пространный рассказ о Александре и Лодвике, наряду с другими вставными историями, тяготеет к жанру притчи. Таким образом, вопреки своей повествователь-

ной модели (сказки, легенда, эпос), вставной рассказ превращается в притчу о Божьем промысле, являемом через мудрого отрока, и о злых женах (эпизод об отравлении Александра женой вследствие чего он заболевает проказой, в конце повести следует наказание жены).

Развитие повествования в повести XVIII в. идет по принципу нанизывания эпизодов рыцарского и любовно-авантюрного повествования. До приезда ко двору Тируса Евграф совершаet ряд рыцарских подвигов: в одиночку избавляет отца от казни и возводит его на испанский трон; будучи на службе у египетского короля одерживает победу над кавалерами, которые не соблюдают привил рыцарского турнира: на просьбу о награждении за службу завоеванными городами, король предлагает Евграфу сразиться с египетскими кавалерами, однако последние нападают на Евграфа «не по-ковалерски, но по-разбойнически», Евграф «осердился и рубил тех ковалеров немило斯tivo», этой победой он восстанавливает справедливость, возвращая во владение отца отторгнутые испанские города.

Смена рыцарской сабли в руках у Евграфа на кавалерскую шпагу знаменует вступление законов другого повествования — любовно-авантюрного романа. Атрибут героя меняется в соответствии со сменой повествовательной модели. Добившись любви Велерианы для друга, Евграф влюбляется по портрету в венецианскую королевну Вирсовию, отправляется на ее поиски, «надев латы и шелом», переодевается в девицу, чтобы проникнуть во дворец; в женском платье танцует с королевной и играет на клавикордах; сраженный любовной горячкой, молит о любви; бежит с ней, роковым образом разлучается, братается со странствующим кавалером Вахтангом; обретает возлюбленную после трудных испытаний, чтобы воссоединиться в браке.

Модернизация сюжета и языка может происходить через введение новых предметов и понятий. Введение реалий современного уклада накладывается на жанрово закрепленную модель (сказка, рыцарский роман). Причем этот процесс никогда не бывает полным — в памятник вводятся детали современного уклада, которые не замещают художественно значимых, функционально заряженных деталей, но накладываются на старый сюжет и выглядывают из его ткани курьезными анахронизмами. Приведу пример. Герои древнерусской повести нареченный сын египетского короля Александр и сын израильского короля Лодвик, будучи подобны друг другу во всем, служат Тирусу стольником и чашником. Привилегированное положение Александра, особенное цесарское доверие к нему, проявляется в том, что Тирус посыпает его с поручениями к цесаревне, которую другие придворные никогда не видели.

В повести XVIII в. особая роль, как главному действующему лицу, отведена Евграфу, параллелизм судеб двух героев затушеван²⁸. Если на службе у Лантонского короля Евграф выступает исключительно в качестве рыцаря (король «определил ево себе ковалером первым по ево природе»), на новой, у египетского князя, будучи принятим «как родной сын», он, как и в древнерусской повести, ведает столом, но получает военный чин и орден: «приказал ему ведать кушанья и посуду и напитки, определил ево генерал-лейтенантом и дал ему ордин святаго Александра».

Примером функционального замещения художественно значимой детали может служить эпизод чудесного исцеления героя. В древнерусской повести король Лодвик призывает лекарей и монахов для излечения друга, совместно с семьей и подданными молится и держит пост, после чего глас с неба сообщает болеющему Александру о способе излечения. После чудесного спасения «все благодарно молятся богу за чудо». В повести XVIII в. божественная милость замещена сказочным волшебством. Александр призывает для излечения друга докторов и волхвов, один которых не рассказывает, но пишет Евграфу «курлянским диалектом письмо» (аналог аптекарского рецепта?) о том, что его спасет кровь семи сыновей Александра. Присутствующий в древнерусской повести драматический момент сомнения и нравственного выбора героя, открывать ли другу чудовищный рецепт, довериться ли небесному Провидению, превращается в повести XVIII в. в сказочный мотив. После выздоровления Евграфа и чуде-

²⁸ Древнерусские списки повести о Александре и Лодвике тоже имеют разную степень сюжетного обоснования. В списке конца XVII в., которым мы воспользовались для сопоставления повестей, цесаревна Фларента, «лицем бе лепа и разумом чудна зело», живет особым двором и никто о ней не знает, поскольку отец бережет ее девичество и видит ее наследницей своего государства. Александра посылают к ней с кушаньем как доверенное лицо: «токмо есть об ней черз тебя никто не знал» (С. 212). С первого взгляда цесаревна влюбляется в Александра, но он остается равнодушен («обнако склонен ей не явился», С. 212). В списке ОЛДП, на который ссылается И.Н. Жданов, присутствует сказочный мотив необыкновенной красоты (смертельной красоты герoinи): «Однажды цесарь приказал Александру отнести обед Флоренте. «И Флорента виде и рече: кто ты еси? Александр же сказался ей. Она же рече: Иже кто мя увидит, и тот умрет. Александр же рече: Я и краше тебя видал, а не умирывал». Цесарь удивился, что красота дочери не поразила краивчего, и с этих пор стал посыпать его к Флоренте» (Жданов И.Н. Указ. соч. С. 160–161). Пока нет полного текстологического исследования Повести о Александре и Лодвике, не возможно делать предположения относительно «первичности» какого либо из этих списков. Однако в списке ОЛДП любовная болезнь Людовика, угрожающая его жизни, более мотивированно вытекают из предшествующего эпизода посещения Флоренты Александром. Подменивший друга на службе Людовик «виде красоту ея и смущиша и нача скорбети и красоте ея, и прииде в дом свой и ляже на смертной постеле» (Жданов И.Н. Указ. соч. С. 161).

сного воскресения детей, эпизод завершается описание празднования «виктории с пушечной стрельбою».

На примере двух повестей я постаралась показать то, как в соответствии с литературными вкусами эпохи подвергается трансформации исходный сюжет. Эпический, легендарный материал о дружбе двух героев и одной судьбе на двоих, представленный во французской жесте, предстает в Повести о семи мудрецах как притча о божьем промысле, явленном через мудрость отрока и чудесное исцеление, он же становится частью индивидуальной авантюры героя в повествовании с открытой композицией, воспроизводящем схему рыцарского и любовного романа. В обоих случаях мы имеем дело с произведениями, которые будучи известны по спискам XVII–XVIII вв., пройдя долгий путь развития, впитали в себя структуры разных жанров.

Рукописная литература дает благодатный материал для изучения механизмов создания беллетристического текста. Когда у одного произведения имеется много «соавторов», можно проследить историю его бытования на протяжении длительного времени и выявить приемы работы с сюжетной основой и языком. Конечно мы сталкиваемся здесь с разной степенью мастерства — механическим присоединением эпизода или введением дополнительных мотивов, призванных сделать сюжетную канву более понятной, современной, убедительной. Подновление сюжета ведет к «эклектизму художественной формы»²⁹, который характерен не только для рукописных повестей первой трети XVIII в., но наблюдается у произведений переходящих из эпохи в эпоху, приспособляемых под современные вкусы.

Переводная и оригинальная рукописная литература XVIII в. удовлетворяла потребность современников в легком чтении. Она оказала влияние на формирование русской беллетристики второй половины столетия (Ф. Эмин, М. Чулков, М. Попов, В. Левшин)³⁰. В конце XVIII в. многие популярные рукописные произведения были удостоены печати³¹.

²⁹ Мoiseeva Г.Н. Место повестей первой трети XVIII в. в русской литературе // Русские повести первой трети XVIII века... С. 163.

³⁰ Мoiseeva Г.Н. Место повестей первой трети XVIII в. в русской литературе // Русские повести первой трети XVIII века... С. 181–188.

³¹ В.В. Сиповский дает неполный перечень этих публикаций: Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2 (XVIII век). С. 75 (примечание), Малек Э. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Warszawa-Lodz, 1992. С. 35–36: «До 60-х гг. интерес к роману удовлетворяется главным образом за счет переводов, распространявшихся в рукописной форме. Со второй половины XVIII в. романы (... любовно-авантюрные и просто любовные романы) попадают в печать. Издатели, правильно оценив вкусы читающей публики, предлагают ей новые версии или даже новые переводы известных рукописных романов» (С. 35).